

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.29>

Шигурова Татьяна Алексеевна

СЕМАНТИКА КОСТЮМА РЯЖЕНОГО: ИСТОКИ ТРАДИЦИИ РЯЖЕНИЯ МЕДВЕДЕМ

В статье рассмотрены функции ряжения медведем на мордовской свадьбе. Автор прослеживает истоки традиции ряжения в культе медведя народов Среднего Поволжья, обнаруживаемом в артефактах племен лесной зоны эпохи энеолита: кремневых скульптурных изображениях, украшениях и ритуальных предметах из кости, медеплавильных изделиях. Благодаря использованию общенаучных методов на базе информационно-семиотического подхода раскрывается семантика одежды ряженого, определяемая тотемическими представлениями человека и религиозно-магическими традициями древнейшей охотничьей цивилизации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/2/29.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 148-151. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 7.031

Дата поступления рукописи: 16.12.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.29>

В статье рассмотрены функции ряжения медведем на мордовской свадьбе. Автор прослеживает истоки традиции ряжения в культе медведя народов Среднего Поволжья, обнаруживаемом в артефактах племен лесной зоны эпохи энеолита: кремневых скульптурных изображениях, украшениях и ритуальных предметах из кости, медеплавильных изделиях. Благодаря использованию общенаучных методов на базе информационно-семиотического подхода раскрывается семантика одежды ряженого, определяемая тотемическими представлениями человека и религиозно-магическими традициями древнейшей охотничьей цивилизации.

Ключевые слова и фразы: мордовская свадьба; традиция ряжения; волосовские племена; культ медведя; кремневые фигуры; украшения из клыков медведя; семантика костюма.

Шигурова Татьяна Алексеевна, д. культурологии, доцент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева,

г. Саранск

shigurova_tatyana@mail.ru

СЕМАНТИКА КОСТЮМА РЯЖЕНОГО: ИСТОКИ ТРАДИЦИИ РЯЖЕНИЯ МЕДВЕДЕМ

Традиционная мордовская свадьба в середине XIX – начале XX века включала ряжение животными. Главная роль среди остальных образов ряженных принадлежала маске медведя ('овто'). Эту роль играла пожилая женщина (свекровь, крестная мать жениха или родственница), встречавшая молодых при их первом появлении в доме жениха. Она «осыпала невесту хмелем, говоря: “Будь легка в работе, как хмель. Пусть, как хмель, вылетят из твоей головы девичьи мысли”. На пол у ног невесты клали сковородку с углями со словами: “Будь пекущей и варящей”. Гости с интересом наблюдали за поведением невесты, насколько резко или грубо она отталкивала ногой сковороду, обсуждая ее характер – сердитая будет сноха, или нет?» [7, с. 237]. По мнению В. Н. Майнова, переодевание матери жениха в вывернутую наизнанку шубу и меховую шапку способствовало привлечению плодородия и богатства [10]. М. Е. Евсеев считал главной целью традиции ряжения медведем – напугать нечистую силу, которая, по мнению мордвы, боялась этого зверя: «...чтобы злые духи не могли проникнуть в конюшни и хлева и вредить скотине, в старину держали в них медвежьи черепа. А те, у кого такого черепа не было, вводили во двор и в конюшни живых медведей, когда в село приезжали поводыри медведей, за что владельцам последних платили большие деньги» [7, с. 277]. Определение истоков появления этой традиции в свадебном обряде мордовского народа представляется весьма актуальным в познании глубинных основ народной культуры, равно как и функционального потенциала данного ритуального действия.

В научной литературе рассматривались либо отдельные локальные варианты ряжения, либо различные маски. В. С. Брыжинский использовал разнообразие вариантов ряжения при классификации народно-театральных форм мордовской культуры раннего или дохристианского периода [5]. Г. А. Корнишина приводит употребление масок в качестве составного элемента традиционных обрядов мордвы [9, с. 52-58]. Е. Н. Мокшина рассмотрела образ медведя в религиозных и мифологических представлениях финно-угорских народов [15]. Несмотря на значительное количество источников, истоки формирования культа медведя на территории, ныне входящей в состав Республики Мордовия, до сих пор остаются малоизученными, более того, в литературе почти не затронут аспект ряжения, связанный с одеждой. Между тем традиционный костюм «как продукт коллективного разума входит в пространство духовной, материальной и художественной культуры, представляя собой синтез социально значимых смыслов – знаний, ценностей и регулятивов» [18, с. 297].

В задачи данной работы входит, во-первых, выявление и анализ артефактов Древнего мира (на территории РМ), свидетельствующих об использовании человеком образа медведя в различных сферах жизнедеятельности и истоках возникновения самой традиции ряжения. Во-вторых, важнейшей задачей было осмысление глубинных основ данной творческой деятельности. Применение общенаучных методов на базе информационно-семиотического подхода, как представляется, дает возможность расширить и углубить наши знания о семантической структуре костюма ряженого.

Полевые материалы свидетельствуют о том, что исполнение на свадьбе роли «медведя» в разных селениях сопровождалось теми или иными обрядовыми действиями, но наиболее важным было «живое» общение с участниками ритуала и особенно с невестой. Основным содержанием беседы были даваемые молодым советы, обеспечивающие благополучие семейной жизни: послушание и уважение по отношению к родителям, рождение здоровых детей, сохранение брачного союза. Так, в Ардатовском уезде Симбирской губернии «медведь» бил соломенным кнутом жениха со словами: «Умеешь жену учить? Вот как надо учить, помни». А к невесте обращался с другим советом: «Умеешь мужа держать? Вот как нужно держать» – и, беря ее за руку, крепко сжимал ее пальцы [3, с. 128]. В монологе ряженого озвучивалась неоднократно повторяемая в свадебном обряде идея передачи опыта счастливой семейной жизни на этот раз – из уст представителя животного мира. Культура, опирающаяся исключительно на устную информацию, дублировала в ритуале наиболее ценные тексты, восприятие и запоминание которых усиливалось за счет контакта с грозным хозяином леса.

В мифологической традиции мордвы встречается упоминание о брачных союзах медведя и девушки, рождении у них детей. В. И. Рогачев, отмечая важность в свадебном обряде потенциала репродуктивности и деторождения, наделял этой функцией ряженого медведя, который на второй день свадьбы бегал за молодыми девушками с толкушкой [16]. Ритуалы ряжения медведем сохранялись у мордвы и в середине XX века.

А. И. Маскаев в 1948 году присутствовал на свадьбе в Кочкуровском районе Мордовии, где разыгрывалась сцена «*Овтонь вина*» ('Медвежье вино'). Ряженный медведем вначале собирал в деревянную чашку напиток из стаканов гостей, затем, размешав содержимое и изготовив свой «медвежий» напиток, заставлял гостей выпить его. Верное соблюдение участниками ритуала всех действий под руководством маски воспринимается как обеспечивающее благоприятное развитие событий для всего коллектива. По мнению исследователя, этот обряд связан с народными представлениями о медведе как родоначальнике (тотеме), и участники свадьбы в день увеличения рода «приобщались к медведю, как своему предку» [12, с. 141-142]. Символическое объединение рода совершалось благодаря совмещению нескольких кодов – вербального, визуального, деятельности и ее результата – пищи/напитка: «В свадебном обряде образ медведя фигурировал в символическом смысле» [19, с. 131]. Несмотря на обязательность соблюдения норм традиции, ряжение требовало творческого подхода, подразумевало самостоятельный выбор выразительных средств создания внешнего образа, раскрытия характера через поведение, монологи, маски.

Пережитки тотемических представлений о медведе наблюдались в различной форме у многих народов Северной Евразии [4; 24; 25]. Так, родоначальницей мансийской фратрии Пор считалась медведица, которая была прародительницей земли [1, с. 156-158]. В традиционном свадебном обряде хантов и манси присутствовали элементы, свидетельствующие о культе медведя: в чуме или в углу дома ставили небольшой столик с угощениями для священной медведицы, медвежья шкура хранилась затем в каждой семье, в чуме [17]. Образ медведя сохранился в памятниках материальной и духовной культуры до наших дней: в произведениях изобразительного искусства, в устном народном творчестве, в религиозной сфере у всех финно-угорских народов – мордвы, марийцев, удмуртов, карелов, венгров, саамов, коми и т.д.

Процесс *сотворения человека* весьма трудный и сложный, и именно *рождение искусства* можно определить в качестве знака *очеловечивания* [6, с. 8]. На территории, ныне входящей в состав Республики Мордовия, по артефактам археологических памятников выделяется чрезвычайно примечательная в художественном отношении волосовская культура эпохи энеолита, созданная предками волжских и окских финнов – охотников и рыболовов, которых в специальной литературе называют «сыновьями Большой Медведицы» [23, с. 128]. Результаты их творческой деятельности подчеркивают неразрывность связи человека с природой. Выразительным символом гармонии человека и окружающего мира служит непосредственность передачи окружающего мира «живой» природы, который вдохновлял художника не только на узоры трехпалого следа птичьей лапки на керамике, но и на изготовление украшений из медвежьих и кабаньих клыков, зубов оленя и бобра, створок раковины, амулетов в форме головы утки. Для волосовских древностей Волго-Окского междуречья характерны антропологические фигурки из кремня, найдены они и на территории Примокшанья. Представляется глубоко символическим сомнение ученых в характеристике самого образа, обнаруженного на стоянке Лепченка: изображена фигура с приземистыми пропорциями и слабо выраженными конечностями, напоминающая «стилизованную фигурку человека (или вставшего на задние лапы медведя)» [2, с. 119] (курсив автора статьи. – Т. III.). В сознании первобытного художника неразделимость мира природы и мира *очеловеченного* объясняется, возможно, внешним подобием грозного хозяина леса человеку. Мастер скупыми, но точными средствами передал слабо выраженную шею, сливающуюся с головой, и характерное для медведя искривление ног, оказавшиеся достаточными деталями для понимания главной идеи культуры – неразрывности связи с природой и стремления жить в гармонии с миром природы. Будущее волосовской культуры зависело от результатов взаимоотношений с окружающим миром: пища, материал для изготовления оружия, инструментов, одежды, украшений. Рассмотрение Древнего мира в качестве магистрального художественного творчества приводит к выводу, что, «начиная с древности, искусство зафиксировало длительную стадию слияния человека с животным миром. И не только потому, например, что звери были объектом охоты, но более всего потому, что в самом человеке было еще много от животного. Он как бы ощущал себя в обличье зверя, подражал ему. Не случайно многие животные почитались священными, и в них видели предков людей» [6, с. 10]. К. Митропольский писал о распространенном среди мордвы мнении, что «медведи были в отдаленных прошедших временах людьми, подобными всем смертным... но наказаны Богом превращением в медведей... Тело их покрылось густой темной шерстью...» [13, с. 143].

На поселении Имерка 8 обнаружены крупные колющие оружия, предположительно – кинжалы, сделанные из кости медведя, украшения из клыка медведя с зашлифованной передней поверхностью корня. Убедительным показателем существования культа медведя и возможности ритуального действия служат находки черепа молодого медведя рядом с очажной ямой и костяной ложки, ручка которой представляет собой голову медведя с прижатыми круглыми ушами – конкретный образ защитника и кормильца. Синтез визуальной формы и функционирования предмета в акте приема пищи не был случаен. Тщательно отполированная поверхность ручки (при отсутствии шлифования внутренней вогнутой части) говорит о сосредоточенности и старательности мастера при соиздании максимального полезного для использования (вероятнее всего, с ритуальной целью) и потому ценного предмета. Представления первобытного человека о картине мира и ценностях выражены в визуальной форме изделия, в стремлении соблюдать каноны формируемой традиции и обозначить известные понятия, предметы, явления через понятные всему племени символы. Семантическое наполнение эстетического образа включает многообразие содержания о добре и зле, о жизни и смерти, о деятельности и ее результатах, что стимулирует последующую активность, одновременно контролирует поведение коллектива в соответствии с усвоением информации, повторяющейся в устной речи, в ритуале, обрядовом действии, в костюме, украшении и т.д. Аккуратность и выверенность линии изделия говорят об упорядоченности, стабильности формируемого мира культуры.

Следующим подтверждением сохранявшегося на территории Примокшанья культа медведя у племен лесной зоны эпохи энеолита служат артефакты, обнаруженные на стоянке Имерка 5 – наиболее ярком поселении имеркской культуры, пришедшей на смену волосовцам. Необходимо отметить, что какой-то период они контактировали друг с другом, и прекращение эволюции волосовской культуры, на наш взгляд, не свидетельствует о кардинальной смене населения Примокшанья. Весьма выразительное произведение меднолитейного искусства в форме головы медведя [2, с. 130], созданное неизвестным мастером, отражает сохранение мировоззрения представителей охотничьей цивилизации. Медвежья фигурка могла использоваться в качестве ручки ритуальной деревянной посуды. Ученые-археологи высказывают сомнение относительно производства ее именно на поселении Имерка 5, поскольку на имеркских поселениях не были обнаружены двусторонние литейные формы. Поиск ответа на многие неизвестные страницы прошлого не умаляет значительности конкретного произведения. Ценность изделия определялась качеством его изготовления, а также отсутствием собственных (на территории современной Мордовии) источников сырья медеплавильного дела. Прочность материала диктовала использование на поселениях Примокшанья медных изделий в качестве деревообрабатывающих орудий (тесла, топоры), ножей. Украшения человек продолжал делать из привычных, более распространенных материалов, так, примечательны в этом отношении археологические находки на имеркских памятниках расщепленных медвежьих клыков, орнаментированных по краю мелкими нарезками [Там же, с. 129]. Тем более значимым представляется вышеназванное изделие, через века транслирующее явно выраженную символическую информацию о хозяйственной деятельности племени, главных ценностях, заключающихся в сохранении жизни и здоровья, о творческой активности человека, осваивавшего новые технологии и материалы и вместе с тем бережно относящегося к существующей культурной традиции. По мнению В. Ф. Кернера, образ медведя «имел отношение к разнообразным сферам жизнедеятельности человека и, по-видимому, занимал в них столь важное место, что привел к сложению так называемого “культа медведя”, распространенного в прошлом у большинства народов Северной Евразии» [8, с. 49]. Синкретизм первобытной культуры предполагал целостность содержания, фиксирование главной идеи реального мира в творческом освоении мира: в фольклоре, песне, танце, декоративно-прикладных искусствах, религиозных образах, в обычаях и обрядах.

С фатьяновско-балановскими древностями исследователи связывают подвески из просверленных зубов и костей животного. Так, на поселении Новый Усад 4 обнаружены медвежьи клыки, украшенные насечками и имеющие пропилен в верхней части, подтверждающий подвешивание изделия, а значит, использование его человеком в качестве украшения или магического амулета. Среди экспонатов коллекции исследователя Б. Темногрудова в Мордовском республиканском объединенном краеведческом музее им. И. Д. Воронина определен в качестве мордовского амулета «медвежий коготь», что свидетельствует о сохранении древней традиции до конца XIX века: «...идуший от первобытного уклада и первобытного искусства культ животных давал о себе знать еще много тысячелетий спустя» [Цит. по: 6, с. 9]. Поэтому не удивительно широко распространенное на территории России использование образа медведя в обычаях и обрядах. Так, например, на русской свадьбе ряжение «медведем» занимало центральное место: у русских Поволжья свекровь, встречая невесту с женихом, надевала шубу; в марийской свадьбе образ медведя не зафиксирован, но упоминается использование старой овчины, которую стелили у входа в дом на железный предмет для защиты новобрачных «от злых духов» [11, с. 170]. Приведенные артефакты археологических памятников, мифологических сюжетов, свадебной традиции ряжения транслируют древние символы этнокультуры.

Костюм ряженого медведем состоял из натуральных материалов, составляющих древнейшую одежду человека (меха, шерсти и лыка: из «вывернутой наизнанку овчинной шубы, подпоясанной пеньковой веревкой или цепью, овчинной шапки, подшитых валенок, черных шерстяных варежек. На лицо накладывается грим из сажи» [5, с. 95]). В качестве маскировки ряженные могли использовать ещё и *чамакс* («личина») – из белого тюля с отверстиями для глаз. Костюм ряженого передает характер персонажа, одновременно он является знаком памяти культуры, показателем глубины проникновения в многовековую историю этноса, зафиксированного в материале костюма, в традиции ряжения, устном народном творчестве, в языке, «сложная семиотическая система традиционного мордовского костюма отражает богатейшую информацию о событиях далекого прошлого» [21, с. 198].

Необходимо отметить, что мех или шкуры животного служили в древности первой одеждой для человека. Это подтверждается семантическим содержанием понятия-термина *одежда* (в эрзянском языке – *оршамо*), указывающим на изготовление ее из шкуры животного или меха (ср.: *оршамопель* («одежда») [22, с. 444]). По мнению Н. Ф. Мокшина, наиболее архаичным элементом одежды была шуба *ор* (т.е. одежда из меха животных. – *Т. III*), «от названия которой произошли сами понятия “одеться” (...то есть “надеть шубу”), и “одежда”» [14, с. 113]. Язык подтверждает взаимосвязь человека с природой, окружающим миром, образом жизни, служит знаково-символической проекцией прошлого в настоящем и будущем человечества.

Интересно, что существительное *пона*, обозначающее ‘шерсть’, развило переносное значение ‘внешность’, а выражение *а мазы пона* – значение ‘неприятная внешность’, «т.е. сохранилось осмысление древней мордвой слитности материала одежды с самим человеком: фактически шерсть в мордовской культуре осознавалась в качестве особого знака» [20, с. 42]. Кожа и мех были востребованы мордовскими крестьянами вплоть до начала XX века в изготовлении верхней зимней одежды, зимних головных уборов, обуви, других аксессуаров традиционной одежды. При этом меховая одежда выполняла разнообразные функции: утилитарную, защитную, престижную. По мнению крестьян, в ритуалах перехода она обеспечивала счастье и богатство в новой жизни, являясь символом доброжелательности и благополучия в соединении разных семей. Истоки использования в свадебном обряде мордвы шкуры, шерсти или кожи животного связаны с климатическими особенностями ландшафтов Мордовии, тотемическими представлениями человека и религиозно-магическими традициями древнейшей охотничьей цивилизации.

Таким образом, в середине XIX – начале XX века ряжение медведем являлось составной частью семейных обрядов мордовского народа, отдельные элементы до сих пор сохраняются в сельской и городской культуре Мордовии. Медведь в свадебном обряде выступал как символ обеспечения здоровья и семейного благополучия, продолжения жизни и ее воспроизводства. Появление древней традиции восходит к культуре медведя, зафиксированному артефактами волосовской культуры эпохи энеолита. Образ грозного хозяина леса, созданный первобытным художником, получает художественное воплощение в последующих археологических культурах (имеркской и балановской) на территории, ныне входящей в состав Республики Мордовия.

Материал одежды ряженого содержит важные смысловые значения жизни всего рода и активной творческой деятельности человека, взаимоотношения родственников в результате хозяйственной практики. Маска медведя, создаваемая женщиной, первой «встречает» молодых в доме жениха; она предназначена для выполнения функций благополучного завершения обряда перехода, создания крепкой семьи, объединения коллектива, обеспечения деторождения, что фиксируется использованием предметов материальной культуры (костюмом ряженого).

Список источников

1. Акцорин В. А. Тошто Марий ой-влак (Марийские легенды и предания). Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1972. 216 с.
2. Археология Мордовского края: каменный век, эпоха бронзы: монография / под общ. ред. В. В. Ставицкого, В. Н. Шитова. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 552 с.
3. Баранов П. Н. Свадебные обряды мордвы-эрзи (из быта крестьян Бузаевской и Неклюдовской волостей, Ардатского уезда, Симбирской губернии) // Этнографическое обозрение. 1910. № 3-4. С. 117-129.
4. Бидер Р. Медведь. М.: Юнайтед Пресс, 2011. 240 с.
5. Брыжинский В. С. Народный театр мордвы. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1985. 168 с.
6. Демченко А. И. Древний мир – магистрали художественного творчества // Манускрипт. 2018. № 7 (93). С. 7-21.
7. Евсеев М. Е. Мордовская свадьба. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2012. 280 с.
8. Кернер В. Ф. Медведь в обрядах перехода // Образы и сакральное пространство древних эпох: сборник. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 49-66.
9. Корнишина Г. А. Знаковые функции народной одежды мордвы: учеб. пособие. Саранск: МГПИ, 2002. 68 с.
10. Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. Серия «Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии». СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. Т. 14. Вып. 1. 268 с.
11. Марийцы. Историко-этнографические очерки: коллективная монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. 336 с.
12. Маскаев А. И. К вопросу о мордовской народной драматургии // Записки Мордовского научно-исследовательского института языка, истории, литературы и этнографии. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1951. Вып. 12. С. 132-145.
13. Митропольский К. Мордва: религиозные верования, их нравы и обычаи // Кевбрин Б. Ф., Рогачев В. И., Шуляев А. Д. Мотивы родимой земли: духовная культура жителей Zubovo-Полянского района Республики Мордовия: хрестоматия народной культуры. Саранск: Красный Октябрь, 2012. С. 137-149.
14. Мокшин Н. Ф. Материальная культура мордвы: этнографический справочник. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2002. 208 с.
15. Мокшина Е. Н. Образ медведя в религиозных и мифологических представлениях финно-угорских народов (мордвы, марийцев, удмуртов, коми и др.) // Финно-угорский мир. 2012. № 3-4. С. 97-101.
16. Рогачев В. И. Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор: историко-этнографические, региональные, языковые аспекты: дисс. ... д. филол. н. Казань, 2004. 396 с.
17. Рязанова-Даури В. С. Нравы и обычаи в повседневной культуре хантов и манси: автореф. дисс. ... к. культурологии. СПб., 2011. 24 с.
18. Шигурова Т. А. Информационный потенциал текста мордовского костюма // Регионология. 2011. № 2 (75). С. 297-298.
19. Шигурова Т. А. Свадебная одежда мордвы. Саранск, 2010. 172 с.
20. Шигурова Т. А. Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2012. 156 с.
21. Шигурова Т. А. Текст мордовского костюма как «память культуры» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11). Ч. 3. С. 197-201.
22. Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебrenникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М.: Рус. яз.; Дигора, 1993. 803 с.
23. Юрченков В. А. Занимательная археология: далекие предки. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2013. 224 с.
24. Brunner V. Bears: A Brief History. New Haven – L.: Yale University Press, 2007. 272 p.
25. Shepard P., Sanders B. The Sacred Paw: The Bear in Nature, Myth and Literature. N. Y.: The Viking Press, 1985. 243 p.

SEMANTICS OF THE DISGUISED COSTUME: ORIGINS OF THE TRADITION OF DISGUIISING AS A BEAR

Shigurova Tat'yana Alekseevna, Doctor in Culturology, Associate Professor
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
shigurova_tatyana@mail.ru

The article deals with the functions of disguising as a bear during the Mordovian wedding. The author traces the origins of the disguise tradition in the bear cult of the Middle Volga region peoples, which can be found in the artefacts of the forest zone tribes of the Eneolithic age: flint sculpture images, ornaments and ritual objects made of bone, copper-smelting products. Due to the use of general scientific methods based on the informational-semiotic approach, the semantics of the disguised clothes, determined by the totemic ideas of a person and the religious-magical traditions of the most ancient hunting civilization, is revealed.

Key words and phrases: Mordovian wedding; disguise tradition; Volosovo tribes; bear cult; flint pieces; bear fangs ornaments; costume semantics.